

“ЛЮБЕЗНЫЙ БАРАБАШКА, ВСПОМНИ СТАРУЮ ДРУЖБУ...”

В.А. Перовский и братья Брюлловы

ГАЛИНА МАТВИЕВСКАЯ

Золотым веком Оренбурга назвали когда-то 30-е годы XIX века — время правления военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, который умел привлечь к сотрудничеству многих образованных, творчески мыслящих людей, оставивших важный след в истории культурной жизни края. К числу его близких друзей принадлежали выдающиеся русские художники братья Брюлловы — Александр (1798-1877) и Карл (1799-1852). Оба они в своих произведениях запечатлели внешний облик Перовского, а Александр по его просьбе составил проект зданий Караван-Сарая и Дворянского собрания, до сих пор украшающих Оренбург.

В рукописном отделе Пушкинского дома в Санкт-Петербурге хранятся письма Перовского, из которых видно, как складывалась его дружба с Брюлловыми, возникшая в молодые годы и сохранившаяся навсегда.

В 1822 году братья Брюлловы после окончания Академии художеств были отправлены «для усовершенствования способностей» за границу на средства недавно образованного Общества поощрения художников. Они обосновались в Риме вместе с другими молодыми людьми,

посланными в Италию Академией художеств. Весной 1824 года в Рим приехал В.А. Перовский, путешествовавший по Италии и уже посетивший Верону, Венецию и Флоренцию. Здесь он близко сошелся с Брюлловыми, стал горячим поклонником таланта обоих братьев и с тех пор всячески старался оказывать им поддержку, содействуя их успеху в петербургском высшем свете.

С Александром его особенно сблизил поездка на юг Италии, которую они совершили вместе с несколькими другими ценителями искусства. Путешественники посетили Неаполь и Сорренто, побывали на Сицилии и подробно ознакомились с раскопками Помпеев и Геркуланума, древнеримских городов, погибших при извержении Везувия в I веке нашей эры. Впечатления от увиденного Перовский восторженно описал в письмах к своему другу В.А. Жуковскому, который опубликовал их в альманахе «Северные цветы».

Александр Брюллов, покоренный красотой помпейских строений, после этой поездки серьезно занялся изучением античного зодчества, что принесло большой жизненный успех, послужив началом его блестящей карьеры архитектора. Ему удалось через жену русского посланника Е.М. Хитрово получить разрешение неаполитанского короля обмерить и зарисовать только что обнаруженные помпейские бани (термы), а результаты своих исследований, ставшие сенсацией, он опубликовал в 1829 году в Париже.

Именно об этом идет речь в первом письме В.А. Перовского к Александру Брюллову, которого он шутиливо называл Барабашкой. Письмо отправлено в Неаполь из Рима, на обратном пути автора в Россию и адресовано «Брюлову Барабашке». В нем опытный Перовский дает приятелю советы относительно его отчета Обществу поощрения художников, перед которым Брюллов сильно робел.

Перовский пишет: «На другой день по приезде моем в Рим получил брат твой Карлуccio два предписания от Общества: одно, на твое имя, прилагаю здесь в подлиннике, другое, адресованное на имя брата, — в копии. Так как Карлуccio сверх своей природной ненависти к письму имеет теперь еще и зависти, то и невероятно, чтобы скоро собрался писать тебе, а потому и решился я предупредить его, присовокупляя несколько отеческо-дружеских советов и наставлений, которым ты последуешь, если захочешь».

Первый совет касается проекта нового петербургского театра, который по желанию Общества поощрения художников должен был представить Александр Брюллов. «Это, — пишет Перовский, — как сам понимаешь, дело не бездельное: Общество требует проект сей к будущему генварю и мне кажется, что это дело невозможное. Я думаю, что на сей пункт ты должен отвечать в следующем смысле: напиши, что ты займешься немедля сею задачею, будешь стараться разрешить ее самым удовлетворительным образом, но, к сожалению твоему, не видал еще театры Миланские, Парижские и прочие; что единый способ достигнуть требуемого совершенства в подобных зданиях есть — сравнивать удобства и недостатки, выгоды и невыгоды уже существующих, дабы избегнуть их в предприняемом... Остаются тебе только 6 месяцев на производство работы, а потому и надеешься, что если замедлишь оную, замедление не будет приписано ничему другому, как только желанию и старанию исполнить достойным образом данное тебе поручение».

Особенно важно, по мнению Перовского, чтобы Александр убедил покровителей в серьезности своих намерений заняться изучением античной архитектуры. Он пишет: «Общество думает, что ты уже в Риме и ждет отчета о твоём времени и намерениях. Скажи Обществу: «По возвращении моем из второго путешествия по Сицилии намеревался я быть в Риме для продолжения прерванных мною занятий по архитектурной части, но Его Величество король Неаполитанский, увидев случайно мои рисунки, пожелал, чтобы я сделал портреты как Его Величества, так равно и королевы, принцессы Кристины и

прочих детей Их Величеств. Три первых портрета уже мною сделаны, и король остался ими весьма доволен... Я не льщу себя надеждой, что почтенное Общество одобрит сие занятие, от которого отказаться мне было невозможно и которое доставляет двойную выгоду: я получил от Его Величества рекомендательные письма к королевской фамилии в Париже и позволение (которого не получил еще ни один художник) снять подробный рисунок с новооткрытых в Помпее бань, которые красотой своею превосходят все донныне известные в древнем городе здания».

Далее следуют другие советы, новости из жизни русских художников в Риме, обсуждение денежных дел, а также скопированное Перовским предписание Общества Карлу Брюллову с высокой оценкой его работы. Перовский заключает: «Меня обрадовало крайне видеть, что Общество имеет о тебе и брате истинное понятие и отдает вам должную справедливость — брату, как видишь, продолжены сроки заграничной жизни не определено; нет сомнения, что то же сделают и для тебя».

Второе письмо Перовского прислано Александру Брюллову уже из Петербурга. Оно начинается с выговора. «Любезный Барабашка, — пишет Перовский, — я получил холодное и почти грозное письмо твое: ты на меня гневаешься. Как смел я подозревать тебя в лени, как смел сомневаться в твоей деятельности? Оправдание мое в твоих деяниях и неисполнении твоих обещаний: ты должен был прислать мне в Вену рисунки для Общества, и рисунков этих до сих пор я не получил, не знаю даже, сделал ли ты их. Я знаю, что тебе было много работы, но вся твоя работа расходится по рукам, а сюда доходит ее совсем мало. Желая тебе добра, желаю тебе установить здесь о тебе мнение, которое сам имею насчет вас обоих, а в этом ты мне должен помогать присылкою хоть изредка твоего рукоделья». О серьезности усилий Перовского свидетельствует его замечание: «То, что у меня есть твоей работы, видели Государь, Великий князь и прочие и все хвалили».

Из письма видно, что петербургская публика высоко оценила акварельный портрет Перовского, который Александр написал во время их пребывания в Сорренто. Он изобразил друга на фоне романтического пейзажа со скалой, напоминающей руины старинного замка. В молодом, нарядно одетом человеке художник сумел увидеть и выразить волевой характер и силу ума, в полной мере проявившиеся в годы зрелости Перовского. «Мой портрет Соррентский попал на выставку Общества и заслужил одобрение всех, а он, — утверждал Перовский, — не лучшее твое произведение; посему можешь заключить, что тебе будет нетрудно возбудить здесь всеобщее восхищение твоим истинно прекрасным талантом».

Поддерживал Перовский братьев Брюлловых и в материальном отношении. В первом письме он предлагал заработанные ими деньги поместить в Петербурге в ломбард под определенный процент, а во втором пишет: «Когда я взял твои и брата твоего деньги, то имел намерение здесь отдать их в ломбард, но, пробыв слишком долго в дороге и желая, чтобы вы ничего не потеряли, счел я выгоднее удержать эти деньги у себя и не медля вексель на оные вручу твоему батюшке... На место пяти процентов будешь ты получать десять и капитал можешь полу-

чить когда захочешь». Ценитель живописи, Перовский заказывал у художников картины для своей коллекции. Особенно его привлекали работы Брюлловых. Он замечает в письме: «Ежели бы мне не стыдно было тебя мучить, то хорошо бы тебе продолжать рисовать в мою пользу все то, что мы видели вместе в Сицилии и прибавить к тому несколько костюмов неаполитанских и римских... И прибавлю одно: я не потерплю, чтоб ты для меня работал дешевле, чем другим».

Письмо кончается словами: «Прощай. Целую тебя и люблю по-прежнему, то есть: очень».

В.А. Перовский не ошибался, предсказывая Александру Брюллову большие успехи в будущем. Закончив работу по обмеру и зарисовке помпейских бань, он выехал в 1826 году в Париж, где подготовил и издал свой труд об этом замечательном памятнике античного зодчества. Одновременно он прослушал курс лекций по архитектуре в Королевской школе искусств и по механике в Сорбонне, познакомился с усовершенствованиями в конструкции театральных зданий и освоил технику литографии. В Петербург он вернулся уже известным архитектором и художником.

Сочинение «Помпейские термы» принесло Александру Брюллову звание члена Академии художеств и должность придворного архитектора. По его замечательным проектам в Петербурге были построены Михайловский театр, здание штаба гвардейских войск, Пулковская обсерватория, Петропавловская лютеранская церковь на Невском проспекте и т.д.

Славился он и как мастер акварельного портрета. Из его многочисленных работ сейчас наиболее известен прекрасный портрет Наталии Николаевны Пушкиной, выполненный в 1832 году.

В 1836 году, когда В.А. Перовским было написано следующее из его писем к Александру Брюллову, хранящихся в Пушкинском доме, он обращался уже к человеку знаменитому. Письмо отправлено из Оренбурга 6 октября. Военный губернатор в это время собирался в длительную командировку в столицу и старался заранее обеспечить успех в решении вопросов, касавшихся управления Оренбургским краем. Среди прочих дел он намечал построить особое здание для канцелярии Башкиро-мещеряцкого войска и в связи с этим решил прибегнуть к помощи Александра Брюллова.

Он писал: «Любезный Барабашка, вспомни старую дружбу нашу и займись, пожалуйста, без отлагательства составлением проекта по прилагаемой программе; я затеял строить здесь Караван-Сарай, это дело меня весьма интересует, хочется начать с наступлением весны; ради Бога, не мешкай. Я уверен твердо в твоём знании и вкусе, но крепко сомневаюсь в прилежании, ты мне обещал много, да сдержал мало. Не в поощрение тебе, а просто для сведения скажу тебе, что постройка Караван-Сарая есть затея не моя частная, а казенная, а потому труды по составлению смет, иже черчению планов и проч. будут вознаграждены по-надлежащему. — Задача довольно трудная, быть может, по ограниченности назначенного места, но если бы сажени слишком стеснили твое зодческое воображение, то делай, как разумеешь, а я постараюсь прислать место по твоему плану. — Обнимаю тебя, до свиданья; можешь ли ты приготовить дело за шесть недель после получения этого письма? — Ты бы меня обязал чрезвычайно. — Душевно тебе преданный Василий Перовский».

Однако вскоре Перовский «одумался» в отношении заданной Брюллову жесткой программы. В следующем письме, датированном 3 ноября, читаем: «Было бы бессовестно стеснить твой талант в подобном предприятии, назначая ему число сажень, на которых он имеет право развернуться; я решил строить этот дом за городом, места сколько душе твоей угодно; одного только не теряй из вида: мечеть должна быть по означенному на плане направлению. Материалы здесь дешевы, но чрезвычайной дороги рабочие и особенно мастера; в этом отношении прошу тебя сообщить возможную экономию. — Если бы ты потрудился устроить дело так, чтобы в бытность мою в Петербурге мог я представить план Государю в начале генваря, то я бы тебя от всей души поцеловал, точно так, как теперь обнимаю. В. Перовский».

Мы знаем, что просьбу В.А. Перовского А.П. Брюллов выполнил, и Караван-Сарай был возведен по его проекту. Ход строительства этого замечательного здания был подробно освещен на основе изучения архивных документов в работах В.В. Дорофеева.

А.П. Брюллову принадлежит проект и другого оренбургского памятника архитектуры XIX века — здания бывшего Дворянского собрания.

Хотя о нем в письмах В.А. Перовского к знаменитому архитектору упоминаний нет, его авторство засвидетельствовано в надежном историческом источнике — в «Воспоминаниях» И.Ф. Бламбаерга. По-видимому, выполнения этого проекта Перовскому удалось добиться от Брюллова тогда же, зимой 1836-1837 года, во время их встреч в Петербурге, о которых говорится в сохранившихся записках. Вот одна из них: «Я очень рад видеть тебя в таком расположении, любезный друг, но, не ожидая этого, в настоящую минуту я не могу тебе дать решительного ответа... Жаль, что ты мне не назначил, когда тебе удобно, а то ведь случиться может, что приеду к тебе не впопад? Обнимаю тебя. В. Перовский».

ОРЕНБУРГСКАЯ СТАРИННА